

Лиань сидела с полупокрытой багровым отеком щекой, но по-прежнему держала голову высоко, упрямо глядя на Хуа Яна: — Убей меня! Давай, сделай это!

Две женщины стояли на коленях рядом с Лиань, отчаянно дрожа, а по их лицам градом катились слезы.

— Думаешь, я не осмелюсь? — кипящая кровь Хуа Яна постепенно остывала.

Он протянул руку, мертвой хваткой вцепившись Лиань в горло. Его белые зубы скрипнули, пальцы сжались с силой. На детском личике проступила ярко-красная пелена, которая медленно сменилась синюшно-багровым оттенком.

Уголки губ Лиань слегка приподнялись в улыбке, а в глазах застыл умиротворенный покой. Словно смерть была холодным освобождением: исчезло дыхание, замерла кровь, а душа покинула оковы тела и свободно воспарила между небом и землей, подобно одуванчику, гонимому легким ветерком. Она парила в потоках теплого воздуха, ожидая подходящей плодотворной почвы, чтобы пустить корни и дать ростки — в вечном круговороте сансары. Атмосфера, по идее трагичная, вдруг наполнилась жизненной силой благодаря этой улыбке на посиневшем лице.

— Убей меня! Хочешь убить — убей меня, только не её, умоляю! — закричал невысокий мужчина. — Лиань пошла наперекор господину только ради того, чтобы прокормить этих детей! Убей меня! Умоляю!

Невысокий мужчина забил поклоны перед Хуа Яном, глухо ударяясь лбом о землю. Из его смуглого лба закапала ярко-ая кровь.

— Прокормить детей? — Хуа Ян ошеломлен.

Он посмотрел на захлебывающегося слезами коротышку, а затем в упор уставился на высокого мужчину, гневно выкатив глаза: — Говори ты!

Высокий мужчина опустился на колени и сбивчиво, запинаясь, поведал Хуа Яну всю предысторию. Сам того не заметив, Хуа Ян разжал пальцы и отбросил Лиань в сторону. На его лице отразилась целая буря сменяющих друг друга чувств, а взгляд, полный сомнений, устремился на девушку. Он и представить не мог, что за змеиным и безжалостным сердцем скрывалась такая глубокая жалость и милосердие.

У каждого, кто вызывает ненависть, есть за что пожалеть; ни один злодей не рождается таковым — к этому их сурово принуждает сама жизнь.

В самом начале падения мира, когда пятнадцатилетняя Лиань пробудила способность, она увела с собой горстку выживших на глухую окраину. Обладая высшей боевой мощью, она вполне естественно взвалила на себя тяжелый груз заботы обо всех остальных. Она убивала мутировавших зверей и зомби ради пропитания, взывала о помощи к внешнему миру и

подбадривала людей, чтобы те держались за жизнь. У неё неплохо получалось, и она даже находила в этом радость. Первый месяц, хоть и выдался тяжелым и сумбурным, всё же дарил выжившим надежду: они соблюдали правила, при изобилии пищи уступали друг другу и ждали спасения.

Но когда спасение стало казаться чем-то бесконечно далеким, а люди постепенно осознали, что так теперь обстоят дела по всему миру, их охватило отчаяние! Бродящие повсюду полчища зомби и невероятно сильные мутировавшие звери казались абсолютно непобедимыми, внушая жуткий ужас. Человечество, некогда восседающее на вершине пищевой цепи планеты, теперь превратилось в затравленных бродячих псов, прячущихся по щелям.

В атмосфере всеобщего отчаяния начало назревать саморазрушение. Апатия и безумие вспыхнули одновременно, и зло, затаившееся в самых глубоких тайниках человеческих сердец, в одно мгновение изверглось подобно вулкану. Этика, устои, мирская мораль, законы и правила превратились в ничто, оказавшись не в силах сдерживать почти истеричное зло, таящееся на дне человеческой души. Земной мир превратился в сущий ад.

Причины для убийств стали простыми и грубыми. Насилия над женщинами служили лишь выплеском! А звериные страсти — лишь способом сбросить напряжение! Звериные страсти... Только тогда добрая Лиань поняла: самое опасное в мире выживших — это вовсе не мутировавшие звери и не зомби. Это люди!

Труд целого месяца, защищаемая мечта — всё рухнуло за одну ночь, оставив лишь пепелища, обезглавленные трупы, рыдающих во всю глотку детей и замученных до полусмерти женщин с мертвенно-белыми от ужаса глазами. Слушая звериный смех и глядя на разрушенные стены в зареве пожаров, добрая Лиань взбунтовалась!

Она облачилась в черный плащ, собирая жатву из крови себе подобных, переломала все пять конечностей амбициозным мужчинам, оставляя их молить о пощаде и вопить от боли, а затем бросала в диких местах, обрекая на гибель. Самым правильным пристанищем для этих негоджаев, прогнивших изнутри и снаружи, было превращение в бессловесных зомби, способных лишь волочиться по земле.

Стоило ее рукам обагриться первой каплей крови сородича, как добрая Лиань умерла. Закутанная в черный плащ Мгновенная Смерть — Лиань — с грозным кровожадным блеском в глазах встала на защиту покрытого шрамами племени.

Хуа Ян с ледяным лицом уставился Лиань в глаза и спросил: — Зачем вы заставили нас убивать друг друга?

Стоило бы Лиань солгать, как Хуа Ян тут же свернул бы ей шею.

— В тебе живет амбиция, похоть, жадность, а также коварство и бесстыдство, — ответила Лиань, указывая пальцем на Хуа Аня. — Его же взгляд чист и невинен, как кристаллы. Поэтому ты должен умереть.

— Тц! — Хуа Ян потерял дар речи и потер нос. — Неужели я настолько плох?

Опу серьезно заметил: — Вообще-то, есть немного!

Хуа Ян потащил Лиань к Додж Рэм и, глядя на невысокую женщину, скомандовал: — Веди меня к тем детям.

В этом безумном до разрушения мире Хуа Ян стал невероятно осторожным, ко всему относясь с подозрениями.

Заревел двигатель, и косые лучи фар разогнали мрак этого мира. Невысокая женщина сжимала рунг, колеса катились по ухабистой каменистой грунтовке — трясло и подбрасывало на каждом шагу. Хуа Ян сидел на пассажирском сиденье, прижимая к себе Лиань. Никакой романтики или похоти: его ладонь намертво вцепилась ей в горло, он был предельно собран и сосредоточен — стоило Лиань сделать хоть одно неверное движение, как он свернул бы ей шею.

Хуа Ань всё так же без чувств вытянулся на заднем сиденье, что сильно беспокоило Хуа Яна. Рядом за ним ухаживала высокая женщина. Только сейчас Хуа Ян узнал, что прежде она была медсестрой. Осмотрев Хуа Аня, она сказала: — Господин просто потерял сознание от истощения сил, ему нужно выспаться, и всё пройдет.

Хуа Ян кивнул. Шины пронеслись по унылой галечниковой отмели и остановились перед небольшим холмом.

Опу у самого уха Хуа Яна произнес с крайним удивлением: — Мы в Долине Горного Источника!

С этими словами он развернул трехмерную карту. Хуа Ян увидел увеличивающееся трехмерное изображение: три шоссе, одна железная дорога и четыре реки пересекали восьмисоткилометровую равнину. Долина Горного Источника, со всех сторон окруженная горами, лежала между государственной и провинциальной трассами; с востока её омывала извилистая река, с юга в цепи гор зиял проход-теснина, а четырехполосный асфальт соединялся с проселочной дорогой. Сейчас Хуа Ян находился к востоку от Долины Горного Источника: двигаясь на юго-восток, можно было выйти на региональную трассу, а по асфальту — напрямую въехать в саму долину.

Низкорослая женщина произнесла: — Наше поселение прямо впереди.

Хуа Ян посмотрел в свет фар: в белесой каменной горе чернел провал пещеры. Две такие же низкорослые женщины сжались в комочки у входа, судорожно обхватив деревянные палки истончившимися донельзя руками, и испуганно вытаращили глаза. Заметив, что из машины вышли свои, они тут же со всех ног бросились к ним.

Тело Хуа Яна напряглось до предела, и он бросил женщине: — Позови детей наружу!

Женщина вбежала в пещеру, и спустя мгновение оттуда высыпала толпа ребятни. Глядя на этих исхудавших, одни кости детей, глядя в их пары доверчивых и наивных больших глаз, Хуа Ян разжал пальцы: — Идите! Вы им нужны.

Лиань со сложным выражением лица посмотрела на Хуа Яна, гордо задрав подбородок: — Это еще не конец! Я тебе этого не прощу!

В глазах Хуа Яна мелькнул холодный свет, но, заметив сбившихся в кучу детей, он без всякой причины тяжело вздохнул, с чувством полнейшего опустошения отвернулся, распахнул дверцу автомобиля и на прощанье бросил: — Через некоторое время я устрою здесь, в Долине Горного Источника, поселение. Если захотите, можете прийти туда и найти меня.

— Пойдите! — высокая женщина подскочила к нему, вытаращив глаза: — Господин! Вы сказали — в Долине Горного Источника?

Заметив кивок Хуа Яна, она тут же затараторила: — Туда нельзя! Там обитают несколько Земляных Драконов, свирепых до ужаса!

— Земляных Драконов? — изумился Хуа Ян, не понимая, о каком существе идет речь.

— Земляные Драконы — это дождевые черви! — на лице Лиань застыл морозный узор. — Три твари длиной больше тридцати метров и толщиной в два метра, которые со смертоносной непредсказуемостью шныряют под землей. Мутировавшие гигантские черви.

Хуа Ян пристально посмотрел на Лиань: — Ты говоришь правду?

— Хочешь верь, хочешь нет! — с лицом ребенка и телом женщины, Лиань неизменно гордо и непокорно вскидывала подбородок.

Устроившись в кабине за рулем, Хуа Ян покрутил баранку: — Она сказала правду?

— Согласно логическому анализу базы данных, то, что она сказала, верно на девяносто девять целых девяносто девять сотых процента, — Опу открыл окно прямо на сетчатке глаза Хуа Яна, выведя ряды тщательно проанализированных и сопоставленных данных.

Лиань стояла у окна машины, гордо задрав голову: — Не мельтеши здесь перед глазами, дуй навстречу собственной смерти!

— Подумаешь, три больших червяка! — на губах Хуа Яна заиграло презрение. — Я огромных крыс убивал, справлюсь и с гигантскими червями.

В упрямом взгляде Лиань мелькнуло удивление: — Ты и впрямь убил мутировавшую крысу?

Запертая в этих бесплодных горах, Лиань не раз сталкивалась с обоими видами мутировавших зверей. Нрав Земляных Драконов был еще относительно мирным: они сторожили свой клочок земли и никого не трогали, пока кто-нибудь не вторгнулся на их территорию. Мутировавшие же крысы обладали буйным нравом и злопамятностью. Как-то раз Лиань отправилась на охоту в районе бензоколонки, но ее обнаружила крыса-мутант и преследовала три дня и три ночи.

Если бы она не заманила тварь на территорию Земляного Дракона, от Лиань давно бы остались одни сухие кости.

Подражая Лиань, Хуа Ян тоже задрал подбородок и почти тем же тоном заявил: — Хочешь верь, хочешь нет!

— Ты...! — грудь Лиань вздымалась от гнева, но поделаться с Хуа Яном она ничего не могла.

Стоявшая рядом низкорослая женщина подскочила: — Ты правда убил мутировавшую крысу? Мы сможем отсюда убраться? Мир снаружи лучше этого места? Разве там уже не установился новый порядок?

Внезапно в глубине души Хуа Яна шевельнулось милосердие. Люди всегда перекладывают надежды на других или на нечто призрачное и эфемерное, уповая, что где-то там лучше, чем здесь. И при этом они никогда не задумываются: а не завидует ли кто-то в этот самый момент тому, чем обладают они сами? Алчно зариться на большее, вечно терзаясь ненасытностью, они продолжают влачить жалкое существование на так называемом пути к счастью, ни дня не зная покоя.

— Мир снаружи ужасен, хуже этого, — глухо произнес Хуа Ян. — Люди извне собираются основать поселение в Долине Горного Источника, чтобы перевести там дух и набраться сил.

Выжившие на Пустоши всегда очень осторожно избегали одного слова — «дом». Безопасный угол — еще не дом, в лучшем случае это временное сборище сбившихся в кучу выживших. Но в глубине души каждого неизменно тлел заветный образ дома: теплого, сладкого, неспешного. С семейными узами, любовью, дружбой и простыми человеческими радостями и горестями.

— Хуже, чем здесь?! — миниатюрное тело Лиань задрожало.

Ей удавалось защищать этот клочок земли лишь потому, что она тешила себя мечтой о другом мире. Но если место, которое ты защищала, оказывается лучшим из того, что есть... о чем тогда мечтать? На что надеяться?

Глядя на побледневшее личико Лиань, потерявшую всякую опору, Хуа Ян почувствовал укол жалости и сказал ей: — Долина Горного Источника легко защищается и трудно захватывается, тамошняя земля способна прокормить себя сама, к тому же там припасена уйма продовольствия. Стоит лишь уничтожить тех трех Земляных Драконов, и Долина станет настоящим домом.

— Домом! — это слово, от которого она всегда отмахивалась в глубине души, вдруг ворвалось в уши Лиань, ударив по и без того хрупким нервам девчонки. — Убить трех Земляных Драконов? Ты? Справишься? Смотри не стань для них готовым обедом, заглотившим живьем!

Столкнувшись с чередой сомнений Лиань, Хуа Ян, и без того раздраженный, взорвался. Он

холодно посмотрел на нее и бросил: — Земляные Драконы и впрямь непобедимы? А вот и проверю! Нацеплю на пацанов дистанционную взрывчатку, пусть черви их проглотят — спорим, я их разорву в клочья?

На лице Хуа Яна проступила свирепость: — Детка, это не кукольный домик, в который играют в комнатах. Это безумный и прогнивший мир, и чтобы выжить, нужно быть жестче других.

— Жестче свою голову! — со слезами на глазах заорала на него Лиань. — Ты просто ничтожный амбициозный ублюдок! Кроме как посылать других на смерть, а самому пожинать плоды победы, на что ты вообще способен? В моих глазах ты всегда будешь отбросом и мерзавцем!

— Я отброс?! Я мерзавец?! — Хуа Ян рассмеялся от ярости. — Сбрось свое святоподобное лицемерное обличье! Кроме глупости и бабьего сентиментализма, я не вижу в тебе ни единого качества, подходящего лидеру. Достаточно пожертвовать троими, чтобы прикончить трех червей; а сколько людей они сожрут из-за твоего мягкосердечия и попустительства? Тридцать? Триста? Своей так называемой моралью ты собственноручно рубишь будущее выживших людей!

Вокруг Хуа Яна забурлила дикая звериная энергия: — Выжить любой ценой! Пожертвовать щепоткой ради продолжения человеческого рода!

— Ты прикрываешь свою жажду власти кривыми бреднями! Раз уж ты клеймишь меня лицемерием, хватит ли у тебя духу стать приманкой? — Лиань задрала голову, наклонив ее на сорок пять градусов, изобилуя высокомерием в каждом жесте, в то время как её взгляд тонул в презрении.

— С чего бы мне не хватить? Мужчина сказал — мужчина сделал! А ты? — слова Хуа Яна прозвучали весомо и звонко, наконец-то дав выход накопившейся внутри тяжести. Он приподнял бровь, глядя на Лиань.

Малолетка ошеломленно вытаращила глаза, глядя на вызывающе приподнятую бровь Хуа Яна, и тоже чуть опустила подбородок: — Смелости хватит? Если пойдешь ты, пойду и я!

— Блин! Сгоряча ляпнул! — Хуа Ян лежал на кожаном сиденье Додж Рэм, глядя через люк на усыпанное звездами небо, мерцающее словно в насмешку над его глупостью.

— Я же говорил, что спешка — это дьявол! — послышалось полное обиды ворчание Опу. — Мало того что сорвался, так еще и из гордости на рожон полез! И что теперь делать?

— Будем расхлебывать! — упрямый Хуа Ян сохранял хорошую мину при плохой игре. — Да этих трех червяков порвет изнутри, если они вздумают меня проглотить!

Голос Опу внезапно задрожал: — Ты ведь не собираешься провернуть тот безумный трюк? Я против!

— Если других вариантов нет, придется рискнуть. Будем оптимистами, может, всё не так плохо, как ты думаешь.

Хуа Ян широко зевнул и закрыл глаза.

Утреннее солнце ласкало землю, мягкий ветерок шевелил листву, наполняя воздух шуршанием. Над каменистой отмелью поднимались струйки дыма. Под тремя большими котлами бушевал огонь, и среди клубящихся паров отчетливо разносился аромат диких овощей. Хуа Ян приоткрыл окно автомобиля, глубоко вдохнув, отчего в животе тотчас заурчало.

— Я голоден! — похрапывавший до этого на заднем сиденье Хуа Ань почувал запах зелени, мгновенно распахнул глаза и уставился на котел неподалеку: — Я один могу умять весь этот котел!

— Ну ты и обжора! — Хуа Ян толкнул дверцу и вытащил из багажника полотняный мешок.

Хуа Ань последовал за ним. Еще недавно шумная каменистая отмель мгновенно притихла: каждый выживший вылупил глаза на двоих пришлых.

— Стоять! — Лиань преградила Хуа Яну дорогу. — Еды в обрез, ровно по миске на нос, лишнего нет, поделиться не смогу.

Мелочная вредина! Бросив взгляд на ледяное лицо Лиань, Хуа Ян ничего не ответил, лишь усмехнулся уголком рта. Он велел Хуа Аню собрать сухих веток, сам же сложил из трех камней очаг, вскрыл огромную консервную банку с говядиной, поставил ее на камни и чиркнул спичкой. Языки оранжево-красного пламени заплясали под жестью, и вскоре содержимое закипело, распространяя дразнящий, едва уловимый аромат мяса.

Жизнь выживших и так была горькой чашей: досыта наестся уже казалось великим счастьем, а о хорошей еде и мечтать не приходилось. За два-три месяца скитаний, перебиваясь случайными крохами и голодая через день, они успели позабыть вкус нормальной пищи. Теперь же, уловив запах говядины, люди жадно затыгивались воздухом, втягивая мясные нотки. Даже гордая Лиань сглатывала слюну.

— Горячо! Фу-фу! — прожорливый обжора высунул наружу пунцовый язык.

Кусок кипящего мяса вывалился из рта, покатился по земле и покрылся пылью.

И тут... Черные тени сорвались с мест. Высокая женщина пулей метнулась к упавшему куску, вгрызлась в него, не обращая внимания на грязь, и засунула в рот, отчаянно задвигая челюстями. Заметив, что добыча ускользнула к ней, окружающие тени тут же набросились на женщину с кулаками и пинками. Она лишь прикрыла голову руками, покорно принимая град ударов.

— Хватит! — Лиань покраснела до корней волос и издала резкий, пронзительный крик.

Вспыхнули ее пальцы, и прозрачный силовой барьер раскидал толпу в стороны. Высокая женщина сжалась в комок, а всё ее тело было покрыто следами от сапог. Но под защитой рук уцелевшая голова продолжала бешено работать челюстями — тот кусок мяса вперемешку с песком стал для нее смыслом всей жизни.

Что здесь вообще творится?! Бви брови Хуа Яна сошлись на переносице: из-за одного куска мяса — драка до крови? Из-за одного куска — едва не забили насмерть?

— Что такое счастье? — глядя на Лиань, чеканил слова Хуа Ян. — Счастье — это когда вожак-лев ведет за собой прайд на покорение одного племени за другим. Вечно восседать на вершине пищевой цепи, вершив чужие судьбы. А не когда вожак с прайдом ходят с пустыми желудками, учась у овец щипать травку!

Глядя, как женщина проглотила кусок целиком, как её забило в судорогах от нектати застрявшего в горле куска, как на покрытом следами от сапог лице, вопреки боли, расцветает полнейшее, абсолютное счастье — мир, в который верила Лиань, рухнул окончательно! Всегда гордо вскинутая голова медленно опустилась, надменный взгляд рассеялся, и с губ сорвался тихий шепот: — Неужели я была права?

— Ты ошибалась! — голос Хуа Яна прозвучал металлом. — Человек изначально — венец творения, стоящий на вершине пищевой цепи и передающий свою культуру. И если люди способны менять мир своими руками, то лишь потому, что великая длань желаний вечно толкает их вперед. Ты же кастрировала их стремления своим лицемерием! Превратила в таких же ханжеских святош, которые среди холода и голода проклинаят несправедливое мироздание, оставаясь вечно жалкими нытиками!

— Неужели я действительно была права? — перевернувшая её картину мира Лиань шаг за шагом приблизилась, опустилась на колени перед женщиной, обхватила ладонями ее исхудавшее лицо и хрипло спросила: — Тебе хорошо?

Высокая женщина посмотрела на Лиань, уголки ее рта тронула идущая из глубины души улыбка. Медленно кивнув, она продолжала изрыгать из уголков рта ярко-алую кровь.

Счастье — простое, прямолинейное, доставляющее почти животное удовольствие. Кусок мяса, случайный взгляд, улыбка на губах — этого достаточно, чтобы передать его. И раз уж счастье пришло, за него нужно держаться мертвой хваткой!

Обнимая женщину, Лиань чувствовала ее счастье. Чувствовала, как слабеет дыхание, замедляется сердцебиение, как остывает тело, а в уголках рта, пахнущих мясом, выступает всё больше розовой пены. Видя всё еще блуждающую в уголках приподнятых губ улыбку, ощущая радость и свободу души, покидающей плоть, Лиань прижалась крепче и глубоко вдохнула напоенный мясным ароматом воздух. В этот момент она ощутила полноту счастья — и уверовала, что это оно и есть!

— Она и так была истощена, а теперь открылось внутреннее кровотечение. Ее не спасти! — с укором глядя на умирающую, произнес Хуа Ань.

Если бы не его прожорливость, возможно, ей не пришлось бы умирать. Его тигриные глаза налились кровью, он обвел взглядом стоявших вокруг выживших и взревел: — Вы все убийцы!

Могучий мужик напряг каждый мускул, его позвоночник чуть согнулся, а в воздухе повеяло запахом серы, будто перед извержением вулкана. В его голове разорвался целый плазменный вихрь, словно пробудилась иная душа: растерянный разум Хуа Аня пополнялся мириадами осколков чужой памяти, он начал осмыслять проблемы и познавать жизнь под совершенно иным углом зрения, с иной мудростью, и его характер менялся на глазах.

— Хватит! — Лиань поднялась над землей, ее утонченные пальчики перехватили огромный кулак Хуа Аня.

Вскинутая некогда голова наконец опустилась, а на холодном, словно лед, личике залегла скорбь: — Я была неправа. Я действительно была неправа!

Она повернулась к Хуа Яну и спросила: — Есть еще мясо?

Хуа Ян достал из мешка банки с тушенкой, Лиань молча отобрала их, вскрыла и вывалила в котлы с овощным варевом, бормоча под нос: — Ешьте! Ешьте. Ищите свое счастье.

Хуа Ян чувствовал подавленное состояние Лиань, да и над всем поселением вовсе не витало ощущение счастья. На восточной окраине каменистой гряды появился новый маленький холмик. Ни гроба, ни надгробия, и даже имени той женщины никто не знал. Единственное, в чем они были уверены — при жизни она была ангелом в белых одеждах.

Лиань сидела у могилы со смертельно-бледным лицом, не говоря ни слова — тихая и неподвижная, точно деревянное изваяние. Хуа Ян неловко топтался неподалеку, желая сказать хоть что-нибудь, но не находя нужных слов: перевернуть чье-то мировоззрение и разбить вдребезги всё, что тот защищал, — дело поистине жестокое.

Витавшая где-то в небесах душа Лиань вернулась на место, и она вдруг бросила короткую фразу: — Когда идем убивать Земляных Драконов?

— Убивать Земляных Драконов?

<http://bllate.org/book/21980/2284616>